
ЭТНИЧЕСКИЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В ФОРМИРОВАНИИ МИФОЛОГИИ СОЮЗНИЧЕСТВА В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1916)

О.С. Поршнева

Кафедра истории России
Уральский Федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина
ул. Мира, 19, Екатеринбург, Россия, 620002

В статье рассматривается роль этнических и внешнеполитических стереотипов в конструировании и бытовании идеологии и мифологии союзнических отношений в России в годы Первой мировой войны. Прослежен процесс преодоления в первые годы войны негативных внешнеполитических и этнических стереотипов в отношении союзных стран и народов, выработки общесоюзнической идентичности. Показана актуализация традиционных антизападных установок российского сознания под влиянием затягивания войны, роста ее жертв и односторонней интерпретации союзнического взаимодействия.

Ключевые слова: этнический стереотип, внешнеполитический стереотип, образ союзника, легитимация союзнических отношений, Первая мировая война, эволюция образа союзника, антианглийские настроения.

В процессе межкультурной коммуникации возникают межгрупповые стереотипы, являющиеся объектом научного интереса этнологии, психологии, истории, социологии (1). Стереотип – это «застывший» образ, долгоживущий общественно-исторический миф (2), оказывающий мощное воздействие на формирование образа другого, особенно на уровне массового сознания. С 1950–1960-х гг. образы-представления о «другом», формирующиеся в процессе взаимодействия народов, государств и культур, изучаются в рамках особого междисциплинарного научного направления – имагологии (3). Если в традиционных обществах в восприятии чужих народов господствуют этностереотипы, то в индустриальных все большую роль в картине внешнего мира индивида и общественных групп играют внешнеполитические образы и стереотипы.

Этнические стереотипы – это предельно обобщенные, эмоционально окрашенные представления о чертах национального характера, обычаях, особенностях быта народов, внешнеполитические же стереотипы отражают схематизированные представления о тех или иных государствах, их роли на международной арене, внешнеполитическом поведении. В условиях буржуазной модернизации в России в начале XX в. традиционные этностереотипы

общественного сознания все больше вытеснялись внешнеполитическими стереотипами.

В течение XX в. Россия дважды в ходе двух мировых войн выступала в качестве участника могущественной коалиции государств, и «образ союзника» играл в сознании российского общества важную роль, оказывая влияние на решение внутривнутриполитических проблем.

Накануне Первой мировой войны в условиях обострения международных отношений, складывания коалиций противоборствующих государств активно действовал механизм формирования внешнеполитических стереотипов. Это происходило не только под воздействием массовой пропаганды, но и в результате актуализации определенных компонентов этнических образов других народов. Императивы назревающего глобального противостояния, углубляющиеся противоречия и взаимосвязанность интересов государств находили отражение в сознании не только элит, но и различных общественных слоев в странах, принадлежавших к противоборствующим группировкам.

С другой стороны, для легитимации участия в мировом конфликте в составе коалиции государств необходимо было внедрять в массовое сознание образы справедливой войны и благородных союзников по борьбе. Последнее, в свою очередь, было сопряжено с преодолением распространенных в русском обществе негативных стереотипов в отношении западных стран и народов, формированием новой мифологемы союзничества.

Большую роль в легитимации союзнических отношений играло использование стереотипов исторических представлений. Образы союзников, осмысление целей союзнической борьбы, место России в союзнической коалиции – все это вписывалось в их систему, находило исторические аналогии. Наиболее распространенной аналогией «Великой войны», «Второй Отечественной», как ее называли современники, как среди интеллигенции, так и в более широких слоях населения, была Отечественная война 1812 г. Журнал «Вестник Европы» – либеральное издание, ориентированное на образованную публику, констатировал: «Война – вторая отечественная война» (4). Писатель К. Арсеньев сравнивал войну 1914 г. с «войной против Наполеона» (5). В сообщении корреспондента «Петроградских ведомостей» из Саратова говорилось: «Мне кажется, что современное настроение, господствующее в народных массах, ближе всего подходит к настроению 1812 г. (серьезное, трезвое)» (6). В статье «Московских ведомостей», посвященной ситуации в Петербурге в связи с объявлением войны, корреспондент отмечал: «Старики говорят, что с турецкой войны не было такого одушевления в народе, да в 1812 г., прибавляют они, по воспоминаниям, – наблюдался такой подъем духа у наших предков» (7). Такое же настроение, по данным газеты, царило в провинции: «Народное воодушевление охватило всю Россию. Со времен 1812 г. не было такого воодушевления. Исчезло левое и правое, нет ни эллина, ни иудея, а только русские, грудью встающие на защиту страны, или приносящие такие жертвы, о которых не было слышно в прежние вре-

мена (8). Параллели с Отечественной войной 1812 г. проводились и в первую годовщину мировой войны (9).

Неудивительно поэтому, что антигерманская коалиция по своему значению и целям ассоциировалась с антинаполеоновской, а России отводилась особая историческая роль и высокая освободительная миссия, сродни той, которую она сыграла в 1812–1815 гг.: «Три сильных державы – Франция, Россия и Англия, силою вещей сблизилась с тем, чтобы положить конец угрозе мира. В начале XX в. повторилось то же положение, что имело место сто лет тому назад. Тогда Европа соединилась против Наполеона, теперь она соединилась против Вильгельма. Как и тогда, так и теперь душой коалиции является Англия. Как и тогда, гордый брит объявляет, что будет бороться до самого конца, сколько бы это ему ни стоило и сколько бы времени война ни тянулась». Как и тогда, главная тяжесть борьбы с общим врагом падает на Россию. Как и тогда, Россия не только защищает свое дело. Она защищает вольность, честь и мир Европы» (10).

Реалии кровопролитной войны с сильным противником, психологический настрой на защиту Отечества и господствующие интерпретации внешнеполитических событий способствовали формированию образов Англии и Франции как благородных союзников России в общей справедливой борьбе, а Бельгии – как маленькой, героической страны, оказавшей беспрецедентное сопротивление жестокому агрессору. Вступившие с началом войны цензурные ограничения (11), доминирующие в обществе эмоции и идеи, работа средств массовой информации – все это способствовало закреплению не только позитивных образов, но и их символических репрезентаций.

Преодолению негативных стереотипов взаимовосприятия, национальных предрассудков в отношении друг друга служила пропаганда позитивных образов не только самих союзников, но и русских в восприятии представителей союзных наций. Это было тем более значимо в отношении англичан, отличавшихся периодическими всплесками русофобии. Так, в «Петроградских ведомостях» в начале войны был опубликован весьма лестный для русского национального самолюбия отзыв о россиянах англичанина Мориса Беринга, корреспондента газеты «Морнинг пост»: «Русские гораздо человечнее и шире, чем народы всех европейских и восточных стран, и поэтому их способность понимания больше, так как поразительная быстрота, с которой они все постигают, идет больше из сердца, чем из головы. Они – самый человечный и самый добрый от природы народ Европы или, выражаясь иначе и, пожалуй, более точно, я сказал бы, что в России больше доброты и гуманности, чем в какой бы то ни было другой стране» (12). Независимо от точности и репрезентативности приведенного высказывания, он достигал вполне определенного пропагандистского эффекта, способствовавшего формированию позитивных установок восприятия союзников, укреплению союзнических взаимоотношений.

Леонид Андреев в своих публицистических статьях-очерках «В сей грозный час», написанных в 1914 г., показывал влияние «настроения 1914 г.»

на внутреннее преобразование как русских людей, так и союзных народов, изживание отрицательных черт их национального склада. «Энтузиазм – вот то необыкновенное состояние, которым охвачены сейчас и армии, и целые народы. Где пресловутая холодность уравновешенных англичан? Где былая скаредная осторожность жизни французского мещанства? Где наша роковая нерешительность, где мнительность наша, подрывающая силы, колеблющая волю?» (13).

Своими характеристиками автор косвенно свидетельствует о существовании в сознании интеллигенции вполне определенных негативных этностереотипов в отношении «холодных» англичан и «скаредных» и «осторожных» французов-«мещан». Их актуализация или трансформация в позитивные образы зависела от политической конъюнктуры, реального развития событий. Подтверждением этому служит то настороженное напряженное ожидание вступления Великобритании в войну на стороне России, нетерпение, которое проявляли россияне, особенно жители столиц и крупных городов, в течение первых двух-трех дней войны. Причинами были недостаточная прочность союзнических отношений с Великобританией, сохранение некоторого недоверия к ней. Дж. Бьюкенен вспоминал: «В течение первых трех дней войны моя позиция была не из приятных. Беспокойные толпы собирались перед посольством, требуя известий из Лондона и в далеко не дружеском тоне спрашивали, может ли Россия рассчитывать на нашу поддержку» (14). Иное отношение было к Франции, с которой имелись прочные договоренности и в верности которой в России не сомневались. Во Франции понимали неизбежность скорого нападения на нее Германии, поэтому сразу же выразили поддержку России, в свою очередь остро нуждаясь в ее помощи.

Неославянофилы призывали учитывать двойственность природы Запада и обеспечить единство России с «истинною», христианской Европой, которую, в их концепции, представляли союзники. Вместе с Россией они боролись с германской агрессией, порожденной антихристианскими тенденциями Запада. В.Ф. Эрн писал по этому поводу: «Нет, Германия не Европа! Европа анафематствует силу, идущую против права, анафематствует культурное озверение, анафематствует забвение чести и совести... Лицом к лицу тут встречаются две мысли, два самоопределения, два лика самой Европы или, еще лучше, Европа и ее двойник... Распадение Европы, внешнее и внутреннее, на два враждующих стана... совершенно гармонируют с двойственной славянофильской оценкой Европы как «гниющего Запада» и как «страны святых чудес», и оно может быть понято только с этой славянофильской точки зрения» (15). В этой борьбе, по мысли В.Ф. Эрна, Россия впервые вступила в истинное единение с подлинной Европой: «с этой Европой подвига и героизма, с Европой веры и жертвы, с Европой благородства и прямоты мы можем вместе, единым сердцем и единым духом творить единое «вселенское дело»... Россия впервые за все века своего существования вступает в органическое единение с Европой, помогает Европе укоротить зверя,

которого она вырастила в лице Германии, следуя законам своего развития в новое время» (16).

С. Булгаков писал о борьбе России и ее союзников с «германизмом» как концентрированным выражением духа новоевропеизма, духовных основ мещанства, узкорациональных начал (17). «Россия – существенная и необходимая часть духовного организма Европы, призванная к духовной самобытности», должна, по мысли С. Булгакова, спасти Запад от духовного вырождения, осуществить свое «культурное призвание – быть творческими продолжателями эллинства» (18). Вступление русских в Константинополь будет способствовать реализации этой миссии – явить миру нововизантийскую, русско-православную культуру христианского Востока (19).

Неославянофильские взгляды, просвещенный российский национализм не находили понимания у союзников. Посол Франции М. Палеолог с неодобрением свидетельствовал о неославянофильских и «византийских» настроениях, когда писал 10 ноября 1914 г. о реакции москвичей на вступление Турции в войну с Россией: «Нападение турок нашло отклик в самых глубинах русского сознания. Естественно, что взрыв изумления и негодования нигде не был сильнее, чем в Москве, священной метрополии православного национализма. В опьяняющей атмосфере Кремля вдруг пробудились вновь романтические утопии славянофильства. Как во времена Аксаковых, Киреевского, Каткова, идея провиденциальной мировой миссии России возбуждает в эти дни умы москвичей» (20). В феврале 1915 г. М. Палеолог осуждал преследование «византийской мечты» как противоречащее логике коалиционной стратегии: «Византийский мираж все более прельщает общественное мнение, до такой степени, что оно становится почти равнодушным к потере Восточной Пруссии, как если бы осуществление византийской мечты не имело предварительным условием поражение Германии» (21).

Характерной чертой официальной доктрины союзников было использование в оценке значения и последствий мировой войны клише «война, которая положит конец всем войнам», являвшегося одним из концептов британской пропаганды (22). Широкое распространение данный лозунг и связанные с ним представления получили и в России, как в обеих столицах, так и в провинции. Победа Антанты рассматривалась в российских изданиях либерального и демократического толка, общественными деятелями и публицистами как условие установления после войны «вечного мира», нового мирового порядка, основанного на «силе права», в противовес «праву силы». Этот новый порядок, основанный на принципах мирного сотрудничества народов, по мысли авторов, сделал бы невозможными войны в будущем (23).

Одним из способов легитимации образа Антанты после начала военных действий стало распространение в прессе и публицистике представлений о равноправном боевом товариществе наций в условиях вражеского плена, идеализация взаимоотношений пленных союзников в немецких лагерях.

В публикациях говорилось о взаимовыручке и совместном противостоянии лагерной администрации. Однако даже пропагандистские сообщения отражали неоднозначность ситуации (24).

В обстановке духовного подъема начала войны публицисты выступали за решительный отказ от негативных стереотипов в отношении союзников. С.И. Раппопорт подверг критике клише «английский империализм» и охарактеризовал отношения Англии и ее колоний как основанные на автономном управлении и взаимной заинтересованности сторон. «Своим политическим тактом, своей могучей творческой способностью она создала из маленьких отдаленных колоний богатых, сильных и преданных союзников, готовых всегда стать за нее горою. Не следует забывать, что столь неудачно называемый у нас английский империализм на самом деле представляет собою лишь систему круговой поруки» (25).

Особенно актуальной, в связи с разворачивающимся англо-немецким противостоянием в Северной Африке, становилась тема британского господства в Египте. Обозреватель «Русской мысли» И.О. Левин отмечал: «В походе германцев на Суэцкий канал и к Нилу, если он состоится, схватка между германским и английским империализмом, являющаяся одной из главных причин нынешней мировой катастрофы, получит, пожалуй, свое наиболее наглядное выражение» (26). И.О. Левин посвятил этой теме несколько статей, в которых попытался осветить ее всесторонне, с привлечением статистических данных. Признавая, что «англичане совершили огромную положительную работу в Египте», автор обращает внимание на острые проблемы и предлагает пути их решения, в частности, «привлечение к участию в управлении местного населения» (27).

Военно-политические события актуализировали интерес к национальному характеру союзных народов. С.И. Раппопорт в статье, написанной по поводу выхода в свет книги Э. Пиза «History of the Fabian Society», обращается к проблеме влияния национального склада англичан на специфику английского социализма. «История фабианского общества в Англии должна представить большой интерес, так как в этом обществе очень ярко выступили и своеобразный характер английской нации, и тот путь движения политических и социальных идей, который пройден ею, начиная с середины 80-х годов прошлого столетия» (28).

Подчеркивая практицизм англичан, Раппопорт отмечает, что в Англии «настоящее дело социализма творится в парламентских комитетах и городских думах», а главное внимание уделяется «практическим злобам дня, законодательным и муниципальным мерам и нуждам» (29).

Правый эсер, горячий сторонник войны до победы Б. Савинков, наблюдавший в 1914–1916 гг. англичан на Западном фронте, писал впоследствии об их развитом гражданском чувстве, сознательной дисциплине, «джентльменском» поведении (30). Меншевик-интернационалист А. Мартынов, критически, с классово-социалистических позиций анализируя настроения в

Англии, отмечал в то же время бережное отношение англичан к традициям, их консерватизм и «трезвый эмпиризм» (31).

Восприятие союзниками на континенте действий Великобритании и их обусловленность спецификой национального характера, условий и образа жизни англичан стали предметом рассмотрения в одной из публикаций «Русской мысли». Материалом и поводом для размышлений автора, Инны Любименко, явилась книга француза Андре Чевриллона, посвященная его посещению Англии во время войны. Интересно отмеченное И. Любименко совпадение в оценках континентальными союзниками ряда аспектов поведения Великобритании как члена Тройственного соглашения: ее запоздалого вступления в военные действия: «Как француз, он [Андре Чевриллон. – *О.П.*] в конце первого года войны почувствовал себя зараженным глухим недовольством континента [курсив наш. – *О.П.*] на медлительность военных приготовлений своей островной союзницы»; нежелания предотвратить войну открытым присоединением к русско-французскому военно-политическому блоку: «Союзники не без основания склонны считать, что Англия одна могла предотвратить катастрофу, если бы с самого начала определенно дала понять немцам, что будет в числе их врагов».

Автор публикации призывает к пониманию внутренних мотивов, природы поступков и действий англичан: «осудить другой народ за то, что нам кажется в нем непонятным, чужим и потому часто смешным или ничтожным, крайне легко; насколько труднее и ценнее раскрыть сложные интимные причины его действий и мыслей» (32). Он обращает внимание на роль общественного мнения в принятии внешнеполитических решений, островного положения, своеобразных взглядов на войну как на причины «медлительности английских военных приготовлений после начала войны» (33).

В публикации утверждается, что английский национальный характер в изображении француза имеет сходство с русским: «Английское “muddle through”, в описании автора, весьма сродни излюбленному русскому «авось». Русская журналистка солидаризуется с этим взглядом, утверждая, что «в некоторой беспечности и крайней любви к индивидуальной свободе, так же как и в склонности к религиозным исканиям, сказывается общность духовных организаций обоих народов» (34). Автор в своем стремлении выявить общее как бы не замечает, что сравнивает французское восприятие с автостереотипом скорее русской интеллигенции, чем русского народа. В то же время это было проявлением поиска основ общей союзнической идентичности. Находя главное воплощение в конструировании идеологии Антанты, он проявлялся, как и в предшествующие периоды, в выявлении общего в психологическом облике союзных народов и их вождей. В этом ключе можно рассматривать акцентирование в одной из статей, посвященных Ллойд Джорджу, сходства по темпераменту английского военного министра с типичным французом: «Ллойд Джордж мало напоминает собою британца и недаром заслужил на родине прозвище: наш Француз. Он действительно всем своим темпераментом похож скорее на Француза» (35).

Тема достоинств национального характера, общего и различий в национальном психическом складе союзников была одной из значимых в военном дискурсе, позволяла лучше понять соратников по коалиции, осознать возможности совместной борьбы. Б. Савинков, писавший под псевдонимом «Ропшин», говорит о довоенных предубеждениях у многих русских в отношении французов, мифе об их «легкости» и «мещанстве». Однако, пишет он, «в один год “легкомысленные мещане” превратились в закаленных бойцов»... «И не потому ли во Франции рождались Делакруа и Мюссе, что французский дух – дух мужества и свободы?» – восклицал автор. «Но француз не только стоек... он весел», – отмечает Б. Савинков (36).

В прессе не только с симпатией характеризовались черты союзных народов, но и показывалась разница между ними. В частности, в одной из публикаций «Нового времени» описывалась организация окопной жизни англичанами и французами и кардинальное отличие между ними в проведении досуга. «Жизнерадостные французы не забыли также и о развлечениях... устраиваются импровизированные театры и кабаре. Солдаты-художники рисуют декорации, солдаты-актеры выступают на эстраде. По фронту раскинуто свыше сотни подобных театриков. На участках фронта, занятых английскими войсками, спортивные развлечения вытесняют сценическое искусство. Футбол, крокет и даже поло – вот развлечения английского солдата в минуты отдыха» (37).

Статьи дополнялись фотографиями, иллюстрирующими окопную жизнь союзников. Психологическому сближению союзников должны были содействовать фотоснимки, демонстрировавшие общую любовь к «четвероногим друзьям», изображавшие воинов русской и союзных армий с их любимцами. В одном из газетных материалов русские воины в минуту отдыха были запечатлены с медведем, англичанин – с газелью, австралиец – с кенгуром (38). Подборка снимков отражает и распространенные в России этнические авто- и гетеростереотипы.

Достоянием читающей публики были и более глубокие размышления по поводу различий психического склада россиян и их союзников. Так, И. Бунин, размышлявший на эту тему в связи с войной, писал, в частности, в январе 1917 г. в журнале «Новая жизнь»: «Глубокие почвенные начала национальной психологии резко противоречат практическому, трезвому, строительному укладу западного человека, дельца, строителя «дома», устойчивого и крепкого внешнего благополучия» (39).

В 1915–1916 гг. не прекращались выступления общественных деятелей, публицистов, рисовавшие привлекательный образ дружественной Франции. С. Франк высоко оценивал состояние духовной жизни страны в условиях войны: «Наблюдатели современной французской жизни отмечают единогласно один отрадный и ценный факт: война, захватившая все французское общество, не только не понизила духовную жизнь Франции, но, наоборот, содействовала ее подъему». Он отмечает, что «современная французская

философская мысль обнаруживает чрезвычайно симпатичное, достойное уважения сочетание духовной чуткости с полной духовной свободой. Она одинаково далека и от фарисейски-горделивого академизма, чуждающегося страстей и бедствий современной жизни и замыкающегося в узкий и мертвый круг отвлеченностей, и от подчинения свободной мысли страстям, ненавистям и предубеждениям, которые война неизбежно вызывает в толпе» (40).

Одной из тем дискурса оставались культурные достижения Франции, которые характеризовались в контексте разных сюжетов: о ее борьбе с Англией за Египет, о роли женщин в истории страны и ходе современной войны и т.д. И.О. Левин, вспоминая экспедицию Наполеона в Египте, отмечает, что она «оказалась неудачной лишь в политическом отношении. В научном же и культурном отношении она дала блестящие результаты. Наполеона сопровождали французские ученые и инженеры. Французами было тогда положено начало науки чтения иероглифов, их инженеры стали изучать способы улучшения системы орошения Египта и делали, в соответствии с предписанием Директории, изыскания для прорытия Суэцкого перешейка» (41).

В статье М. Лот-Бородиной «Французская женщина перед лицом войны» приводятся данные об участии женщин в «мобилизации тыла», их самоотверженной работе в условиях войны. Автор заключает: «Величайшая слава французских женщин – в безмолвном принятии и исполнении патриотического долга. Их подвиг – подвиг самоотречения во имя высшего идеала» (42). В публикации «Нового времени» подчеркивалась особая роль женщин во французской истории: «Едва ли найдется в истории другой народ, в прошлом которого женщина играла бы такую роль, как во всех славных и трагических перипетиях великой галльской нации, сумевшей выдвинуть незабываемый в своей яркости тип подруги и помощницы, равно незаменимой на всех степенях общественного положения и одинаково деятельной в минуты радости и горя» (43).

В 1916 г. в статье М. Волошина, прошедшего два военных года во Франции, отмечались различия в отношении к войне и ее оценках во Франции и России. Он полагал, что они определяются иным характером борьбы на Западе (мы сказали бы сегодня – «тотальным»), где вопрос стоит о жизни и смерти народов, существовании государств, в то время как в России, при ее географическом размахе, по мнению автора, война не грозит государственному существованию (44).

Уверенность в несокрушимости России, веками формировавшаяся и влиявшая на русский характер, по мнению другого наблюдателя Б. Савинкова, определяла психологические отличия русских от их союзников в мировой войне: «В русском человеке меньше ненависти и больше любви, чем в англичанине, французе или бельгийце. И не оттого ли это, что русский человек в глубине души уверен в своей несокрушимой силе, в том, что “где же немцу нас победить, если мы всей Россией встанем”?» В то же время Савин-

ков, выпустивший под псевдонимом В. Ропшин в 1917 г. (в первом издании) книгу о своем пребывании во Франции в военные годы, уже с тревогой отмечал недостаточность мотивации для ведения Россией длительной войны, ее внутреннюю слабость: «Не в немцах опасность. Опасность в том, станет ли, захочет ли и сможет ли встать вся, до последнего человека, Россия?» (45).

Для Франции, как показывает М. Волошин, была характерна высочайшая степень напряжения всех сил нации: «На Западе, а во Франции особенно, напряжены все мускулы, весь волевой организм доведен до высочайшего напряжения, в котором угасает всякое умозрение, всякая отвлеченная мысль» (46). Впечатление о едином порыве и высочайшем напряжении сил французов вынес из этой страны и Б. Савинков, свидетельствовавший: «Люди роют траншеи, прячутся в глубокие ямы, стреляют, слушают грохот пушек, не едят, спят на мокрой земле, снова стреляют и потом, по команде, собираются в неразрываемые ряды, и идут пешком двое суток. И так делают не только рабочие и крестьяне, но и лавочники, адвокаты, купцы, все те богатые «буржуа», которые не привыкли к лишениям. Что это? Послушание? Военная дисциплина? Или любовь к родине, бескорыстная готовность положить свою жизнь? Я уверен, что не только первое, но и второе» (47).

Несмотря на все усилия политической и интеллектуальной элит русского общества, искренние чувства союзнической солидарности сторонников Соглашения, преодолеть в полной мере антизападные стереотипы русского традиционного сознания так и не удалось. Чем дольше шла война, чем больше становилось ее жертв, выявлялось противоречий и драматических черт в межсоюзнических отношениях, тем в большей степени давали о себе знать культурные различия союзников.

После катастрофы в Восточной Пруссии в русском общественном мнении возникло представление о жертве, принесенной Россией для спасения Франции. Недовольство Францией стало распространяться не только в среде крайне правых сил, традиционно настроенных против союза с Третьей республикой, но и в более широких кругах русской общественности. В декабре 1914 г. французский посол М. Палеолог записал: «До меня доходит с разных сторон, что в интеллигентской и либеральной среде высказываются по отношению к Франции с таким же недоброжелательством, как и несправедливостью... Теперь к неудовольствиям по поводу финансовых займов присоединяют глупое обвинение: это Франция вовлекла Россию в войну, чтобы заставить вернуть себе Эльзас и Лотарингию ценою русской крови» (48).

Министр иностранных дел России А.П. Извольский впервые в истории страны накануне мировой войны начал систематическую работу с прессой, направленную на обеспечение общественной поддержки правительственному внешнеполитическому курсу и, в частности, ломку негативных стереотипов в отношении Великобритании (49). Она дала результаты, вызвав резкое усиление симпатий к Великобритании накануне и в годы Первой мировой войны в условиях союзнического взаимодействия, развития культурных

контактов двух народов, способствовавших их лучшему взаимопониманию (50). Однако англофобия оставалась одним из распространенных негативных этностереотипов русского традиционного сознания, аспектом системы воззрений российских правых сил. Консерваторы считали Англию источником смут и социальных потрясений, воплощением неприменимого и вредного для России идеала политико-социального устройства. Кроме того, общепринятым в их среде было мнение, что от войны с Германией выиграет прежде всего Великобритания, привыкшая действовать чужими руками и более всех заинтересованная в данной войне.

Особенно частыми антианглийские выступления правых стали с лета 1916 г. О распространении антианглийских настроений в России писал британский посол Бьюкенен в своем письме в МИД Великобритании от 18 октября 1916 г. (51). Появилось немало статей и памфлетов, направленных против Британии, причем в иностранной прессе утверждалось, что многие русские цензоры потворствовали антианглийской кампании правых (52). Широкий резонанс получили статьи журнала «Российский гражданин», издававшегося П.Ф. Булацелем. В нем постоянно осуждалось англофильство, говорилось об угрозе превращения России в английскую колонию, делались намеки о наибольшей заинтересованности Великобритании в войне, представляющей «всех тех международных поставщиков и банкиров, которые на великое самоистребление христианских народов смотрят как на большое коммерческое предприятие, дающее возможность за один год войны нажить “комиссионерством” миллиарды рублей» (53).

Взаимное непонимание и неприятие союзников в несколько иных формах проявлялось в среде русских военнопленных в Германии, где практиковалось их совместное содержание с представителями западноевропейских стран. Как показала О.С. Нагорная, немаловажной целью совместного размещения являлось стремление поссорить союзников хотя бы в пределах лагерей. Данное устремление подкреплялось активной антианглийской и антифранцузской пропагандой в изданиях для русских военнопленных. На местах ситуацию усложняло неравное восприятие военнопленных немецкими комендантами, ставившими англичан и французов на более высокую ступень и пренебрежительно относившимися к русским. В силу языковых и культурных барьеров военнопленные замыкались исключительно в рамках национальных групп, которые, особенно в солдатских лагерях, практически не стремились к общению друг с другом. Позицию представителей западноевропейских стран по отношению к выходцам из Российской Империи в значительной степени определяли традиционные стереотипы и предубеждения (54). Конфликтный опыт сосуществования с представителями союзных государств отразился и в опубликованных в послевоенный период воспоминаниях бывших пленников (55).

Особенностью народного восприятия была нерасчлененность образа войны и образов союзников, а также «периферийность», недостаточная мар-

кированность образов союзников. В то же время народное сознание фиксировало отличия между русскими и их союзниками. Русские в сравнении с союзниками несомненно обладали духовными преимуществами – такое представление предполагало оценивание с позиции традиционных этностереотипов. В сборнике солдатских военных песен, изданных в 1915 г., в одной из них говорилось:

Что за песни, что за песни
Распевают наша Русь!
Уж как хочешь, брат, хоть тресни
Так не спеть тебе, француз! (56)

Сохранение традиционных установок народного сознания обусловило устойчивость распространенных антизападных, прежде всего, антианглийских, стереотипов. В солдатском письме от 6 апреля 1916 г. говорилось: «Если Англичанин не начал бы, тогда давно был бы мир, главным виновником является Англия. Если существует бог на небе, тогда этот мелочник не избегнет наказания» (57). Здесь обращает на себя внимание не только убеждение, что Англия – инициатор войны и заинтересована в ее продолжении, но и использование этностереотипа «мелочник» в отношении англичан, отражающего факт сохранения традиционных представлений об их национальном характере, сложившихся в русской культуре еще в XIX в.

Союзники в целом и по отдельности постепенно стали утрачивать кредит доверия, подозреваться в корыстных побуждениях в отношении России, стремлении завладеть ее территорией и богатствами. В цитируемом выше солдатском письме также говорилось: «Союзники наши тоже, по всей вероятности, не с германцем воюют, а выуживают от России все выгодные договоры: например Англия – свободу по морям, и в России развивают свою промышленность. Франция на последней конференции тоже проводит, чтобы заводы и фабрики и рабочий люд был бы свой. Япония полностью Сахалин, через Манчжурию и Монголию отданы железные дороги на свободный проезд в Китай и, в случае надобности, помощь и тут Россия должна помогать. Польшу взял немец, т.е. продали, а Сибирь отдали Японии, а внутри России завладеют Франция и Англия» (58). В другом солдатском письме констатировалось: «Россию нашу немножко обманывают Англия, Япония и Франция, – они стараются, чтобы Россия ослабла. Англичане говорят, согласны воевать до последнего русского солдата и Англия еще дает России денег на войну, но разве это даром? Хотя от нас, от солдат, утаивают, но наш брат все равно узнал... Англия и Япония и Италия велят, чтобы наши пуще наступали, наше начальство подкупают» (59).

Таким образом, роль внешнеполитических и этнических стереотипов в легитимации участия России в войне в составе Антанты была чрезвычайно велика. Их успешное обоснование и использование обусловили доминиро-

вание в начале войны стереотипов восприятия союзной борьбы как общего дела, справедливого, священного и благородного. В 1915–1916 г., по мере нарастания жертв и лишений, обострения внутривойсковой ситуации поражения на фронте и людские потери стали рассматриваться как результат бездействия союзников, нарушения ими требований союзнической солидарности, а то и предательства. Это определило коррозию представлений о благородстве союзников, породило кризис доверия в отношениях с ними. Постепенно, по мере усталости от войны, в российском общественном мнении все ярче вырисовывается тенденция к подчеркиванию главной роли России в войне и обличению «корыстных» союзников, стремившихся за ее счет достигнуть своих целей, происходит актуализация традиционных антизападных стереотипов российского сознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Зак Л.А.* Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. – М., 1976; *Солдатова Г.У.* Установочные образования в этноконтактной ситуации // *Духовная культура и этническое самосознание.* – М., 1990. – Вып. 1: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. – М., 1998.
- (2) *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // *Вестник РУДН. Сер. «История России».* – 2006. – № 2 (6). – С. 57, 60.
- (3) Там же. – С. 57.
- (4) *Вестник Европы.* – 1914. – № 8. – С. 423.
- (5) Там же. – С. 427.
- (6) *Петроградские ведомости.* – 1914. – 24 августа (6 сентября). – № 191.
- (7) *Московские ведомости.* – 1914. – 23 июля. – № 170.
- (8) Там же. – 25 июля. – № 172.
- (9) *Биржевые ведомости.* – 1915. – 19 июля (1 августа), вечерний выпуск.
- (10) *Альбом героев войны.* – 1914. – № 1. – С. 5.
- (11) *РГВИА.* – Ф. 2003. – Оп. 1. – Д. 1482. – Л. 26.
- (12) *Петроградские ведомости.* – 1914. – 28 авг (10 сентября). – № 194.
- (13) *Андреев Л.Н.* В сей грозный час: Ст. – Пг., 1914. – С. 66.
- (14) *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. – М., б.г. – 2-е изд. – С. 134.
- (15) *Эри В.Ф.* Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия // *Эри В.Ф.* Соч. – М., 1991. – С. 373, 376, 397.
- (16) Там же. – С. 382, 398.
- (17) *Булгаков С.* Война и русское самосознание: Публичная лекция тип. т-ва И.Д. Сытина (сер. «Война и культура»). – М., 1915. – С. 21–33, 44–49.
- (18) Там же. – С. 28, 33.
- (19) Там же. – С. 56.
- (20) *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. – М., 1991. – С. 124.
- (21) Там же. – С. 166.
- (22) *Marquis A.G.* Words as Weapons: Propaganda in Britain and Germany During the First World War // *Journal of Contemporary History.* – 1978. – Vol. 13. – № 3. – P. 486.

- (23) Вестник Европы. – 1914. – № 8. – С. 427; *Лященко П.И.* Экономические причины и условия современной войны: Публичная лекция, прочитанная 16 ноября 1914 г. в пользу Томского отдела Сибирского общества помощи раненым воинам. – Томск, 1915. – С. 19–21; Россия борется за правду. – М., 1914. – С. 32; Петроградские ведомости. – 1914. – 7 (20) сентября. – № 202; Зауральский край. – 1915. – 27 марта; Оренбургская газета. – 1914. – 9 октября; Уральская жизнь. – 1914. – 27 июля, 20 августа; 1915. – 18 марта; Оренбургская жизнь. – 1914. – 21 октября; Пермская жизнь. – 1915. – 29 ноября.
- (24) *Нагорная О.С.* «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). – М., 2010. – С. 226.
- (25) *Рапопорт С.И.* Англия и ее колонии // Русская мысль. – 1914. – Кн. 10. – С. 113–114.
- (26) Там же. – Кн. 2. – С. 6.
- (27) Там же. – Кн. 1. – С. 21, 25–26.
- (28) Там же. – Кн. 9. – С. 77.
- (29) Там же. – С. 84–85.
- (30) *Ропшин В.* Во Франции во время войны. – М., 1918. – Ч. II. – С. 154–156.
- (31) Современник. – 1915. – № 10. – С. 277.
- (32) Русская мысль. – 1916. – Кн. 12. – С. 9, 10.
- (33) Там же. – С. 10–11.
- (34) Там же. – С. 12–13.
- (35) Новое время. – 1916. – 10 (23) сентября. – С. 10.
- (36) *Ропшин В.* Во Франции во время войны... – С. 5–6.
- (37) Новое время. – 1916. – 2 (15) июля. – С. 12.
- (38) Там же. – 19 ноября (2 декабря).
- (39) Новая жизнь. – 1917. – Январь. – С. 73–74.
- (40) Русская мысль. – 1916. – Кн. 1. – С. 12.
- (41) Там же. – Кн. 2. – С. 2.
- (42) Там же. – Кн. 4. – С. 78.
- (43) Новое время. – 1916. – 15 (28) октября. – С. 6–7.
- (44) *Волошин М.А.* Франция и война // Автобиографическая проза. Дневники. – М., 1991. – С. 181.
- (45) *Ропшин В.* Во Франции во время войны. Сент. 1914 – июнь 1915. – 2-е изд. – М., 1918. – Ч. 1. – С. 29.
- (46) *Волошин М.А.* Франция и война... – С. 181.
- (47) *Ропшин В.* Во Франции во время войны... – С. 29.
- (48) Там же. – С. 138.
- (49) *Емец В.А.* А.П. Извольский и перестройка внешней политики России (соглашения 1907 г.) // Российская дипломатия в портретах. – М., 1992. – С. 344–348; *Рудая Е.В.* Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907–1917 годах // Россия и Европа в XIX–XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. – М., 1996. – С. 176, 182; *Голубев А.В.* «Если мир обрушится на нашу республику...» Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. – М., 2008. – С. 165.
- (50) *Давидсон А.Б.* Образ Британии в России XIX и XX столетий // Новая и новейшая история. – 2005. – № 5. – С. 54–55.
- (51) *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата... – С. 172.

- (52) *Колоницкий Б.И.* Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // *Россия и Первая мировая война: Мат-лы междунар. науч. коллоквиума.* – СПб., 1999. – С. 275.
- (53) *Российский гражданин.* – 1916. – 17 июля. – № 28. – С. 12–13.
- (54) *Нагорная О.С.* «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). – С. 229.
- (55) Там же. – С. 233–234.
- (56) *Солдатские песни: Сб. военных песен.* – Ярославль, 1915. – С. 16.
- (57) *Царская армия в период мировой войны: Мат-лы к изучению истории империалистической и гражданской войны.* – Казань, 1932. – С. 71.
- (58) Там же. – С. 71–72.
- (59) Там же. – С. 72.

ETHNIC AND FOREIGN-POLICY STEREOTYPES IN FORMATION OF MYTHOLOGY OF INTERACTION WITH ALLIES IN RUSSIAN CONSCIOUSNESS DURING THE WORLD WAR I (1914–1916)

O.S. Porshneva

Chair of Russian History
Ural Federal University
Mira Str., 19, Ekaterinburg, Russia, 620002

The article is devoted to the role of ethnic and foreign-policy stereotypes in ideology and mythology of allied relations in Russian consciousness during the World War I. The author analyzes the process of overcoming negative ethnic and foreign-policy stereotypes of allied states and nations, creating common allied identity in the first years of the World War I. The author shows the actualization of traditional anti-western prejudices in Russian consciousness under the influence of war delaying, casualties increase, one-sided interpretation of allies' collaboration.

Key words: ethnic stereotypes, foreign-policy stereotypes, legitimating of aliens' relations, World War I, evolution of alien's image, anti-English prejudices.